

Яковлев Лев Сергеевич

д-р социол. наук, профессор

Дмитриева Екатерина Сергеевна

студентка

Поволжский институт

управления им. П.А. Столыпина (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Саратов, Саратовская область

ПРОБЛЕМЫ КОРРЕКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕПРИВАЦИИ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

***Аннотация:** в статье уточняется проблематизация социокультурной депривации применительно к процессам социализации. Авторами анализируется структура социокультурной депривации. Конфликт поколений осмысливается в парадигме культурной депривации. В работе артикулируется необходимость разрывов культурной традиции как порождающих возможность, но не необходимость, конфликтов. На материале case-study выделяются типы социокультурной депривации подростков. В статье проектируются перспективы оптимизации процессов культурной интеграции в работе с молодежью.*

***Ключевые слова:** социокультурная депривация, разрыв культурной традиции, конфликт поколений, работа с молодежью, культурная интеграция.*

Депривации в сфере культуры как ограничения доступа к ресурсам для удовлетворения потребностей способствуют возникновению явных и латентных форм конфликта поколений и, в свою очередь, обуславливаются ими. Они препятствуют становлению действенных стратегий адаптации молодежи к социальной среде, развитию ее реальной социальной активности, переводя эту активность в иллюзорные формы, лишая общество возможности задействовать в полной мере потенциал молодежи. Отдельные молодежные субкультуры, при этом

становятся тупиковыми формами, через них социализация осуществляется недостаточно эффективно. Таким образом, изучение процессов социокультурной депривации представляется актуальным как с точки зрения развития социологической теории, так и применительно к практическим задачам молодежной политики.

Общая теория депривации основывается на фундаментальных трудах таких авторов, как А. Бандура, К. Левин, К. Роджерс, Дж. Боулби, Ш. Бюллер, Е.Ю. Коженикова, И. Лангмайер, З. Матейчек, Л.В. Моисеева, К. Муздыбаев, С.А. Стауффер, А. Фрейд, З. Фрейд. Ее приложение в сфере культуры осуществляют А.Ю. Казакова, В.Б. Королев [3], Н.И. Скок, И.И. Чайковская [7].

Процессы освоения социокультурного пространства молодежью осложняются, прежде всего, депривацией. Она может иметь различную природу. Прежде всего, речь может идти о депривации предметной, связанной с социальными или техническими аспектами доступа. В отношении социальных ограничений, следует заметить следующее. Конституция РФ (ч. 1 ст. 44) гарантирует каждому свободу во всех областях творческой деятельности. В ратифицированной органами власти нашей страны Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. (ст. 27), записано: «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством». «Общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитие и равномерное размещение культурно-просветительских учреждений на территории страны, развитие телевидения и радио, книгоиздательского дела и периодической печати, сети бесплатных библиотек, расширение культурного обмена с зарубежными государствами» гарантировала уже Конституция СССР 1977 г. (ст. 46). Конституция РФ «закрепила право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры» [9]. Однако, «неравномерность в обеспечении культурными благами крупных городов и российской провинции порождает социальное неравенство по условиям приобщения к культуре жителей городов и сел. В результате

более половины населения России лишено возможности в полной мере реализовать свои конституционные права на доступ к культурным ценностям, на пользование учреждениями культуры, на участие в культурной жизни» [8].

Что касается технических условий, прогресс информационных технологий кардинальным образом изменил ситуацию к лучшему по сравнению с эпохами, когда для абсолютного большинства людей культурные ценности были доступны крайне ограниченно. Однако, цены на устройства, обеспечивающие доступ в сеть, создают барьеры. Можно полагать не обязательным использование таких моделей, как iPhone XS Max или Samsung Galaxy X, но и цены на мобильные устройства, приемлемые по характеристикам, остаются чувствительными для бюджетов большей части российских семей с детьми-подростками. Аналогичным образом это относится и к компьютерам. Устройство, не обладающее достаточной мощностью, ограничивает возможности пользователя в обработке графики, вплоть до невозможности комфортного просмотра видео в высоком разрешении. Кроме того, оно не позволяет установить новые версии браузеров, без которых часть сайтов окажется недоступной.

В избранном нами ракурсе темы основной интерес представляют другие виды депривации, как обусловленной барьерами, имеющими собственно культурную природу. Речь идет о степени владения языками культуры, наличие позитивной или негативной установки на восприятие тех или иных контекстов.

Прежде всего, в этом контексте, следует согласиться с оценками, сформированными в социологии, начиная с 80-х годов прошлого века: традиционные культурные формы для современной молодежи утрачивают значение. Юноши и девушки, действительно, менее интенсивно, чем предшествующие поколения, посещают кинотеатры, театры, музеи; меньше проводят времени с книгой в руках. Даже тусовки утратили привычные несколько десятилетий назад формы, и в существенной степени потеряли свойство всеобщности.

В советскую эпоху имела место идеализация подростковой субкультуры. Типичную, для того времени, позицию выражала Л. Гинзбург: «мы умеем читать книги только в детстве и ранней юности. Для взрослого чтение – отдых или

работа; для подростка – процесс бескорыстного и неторопливого узнавания книги... неповторимая уверенность молодости в том, что спешить некуда и что суть жизни не в результатах, а в процессах» [1, с. 386].

Так оно было далеко не всегда; собственно, к тому времени, как эти строки были написаны, чтение для советской молодёжи уже перестало быть основным видом досуговой деятельности. В том же 1982 году по данным В.С. Собкина среди московских школьников 64% назвали своим любимым занятием лёгкую музыку, 54% – посещение кино и 31% – чтение. При этом значительная часть объёма чтения приходилось на обязательное, учебное.

Разумеется, в современных условиях иным стал фон. В СССР принято было, во всяком случае считалось правильным, не пропагандировать среди молодёжи меркантильность. Сегодня коммерческий успех полагается мерилom всего и чтение «не пойми, зачем» в эту парадигму не вписывается. Большинство комментариев с удовлетворением констатирует тенденцию к преобладанию в структуре чтения *pop fiction*, не обращая внимания на то, что это имеет место на фоне общего падения объёмов чтения.

Логичным, однако, представляется и еще одно следствие. В свое время И. Кон писал о подростковых субкультурах: «нехитрый маскарад позволяет подростку решить целую кучу личных проблем, в том числе и самую важную: окружающее человечество безоговорочно признает факт его существования на земле... почему столь хаотична смена пристрастий, почему после музыки стрижка, а потом танец, а потом гоняют на мотоциклах, а потом нитка на запястье и манера жить? Да просто потому, что все это не имеет значения. Новому поколению нужен новый фирменный знак, новый флажок, новый клич, на который сбегутся сторонники» [4].

Но если следовать логике утверждения рыночных ценностей, молодежи больше не надо искать способы репрезентации идентичности, в ее распоряжении универсальный инструмент – деньги. Реальность, однако, не оказывается столь примитивной.

«Что же еще заставляет ребенка уходить в субкультуру? Первое – это задачи подросткового возраста, второе – поиск себя и путей самовыражения: для одних это творчество, для других – внешняя атрибутика, такая как одежда, особая манера поведения, а кто-то выражается эпатажно, экзальтированно – через субкультуру», говорит Е. Сыркина [6].

В целом медийное пространство способно оказывать ограниченное воздействие на процессы преодоления культурной депривации. Это обусловлено сегрегацией самого этого пространства. У взрослой аудитории и юношества, подростков, детей, свои ориентации на выбор каналов, свои рейтинги блогеров. Переходные формы, которые могли бы способствовать интеграции, возникают редко.

Процессы приобщения к культурной традиции в ходе социализации отнюдь не являются, априори, сбалансированными. В традиционных обществах они проходили практически исключительно в рамках семьи. Однако, возможным это оказывалось потому, что для основной массы населения доступным оказывался лишь уровень культур повседневности, сведенных к максимально простым формам. Вплоть до XVI–XVII столетий абсолютное большинство населения, даже стран, уже сделавших первые шаги к промышленной революции, жило, подчиняясь природному циклу, заботясь прежде всего о сохранении традиционных форм хозяйственной деятельности, социальных взаимодействий, чему и служила репродуцируемая ими культура. Вполне естественно, что для приобщения к ней достаточно было семейного воспитания.

Однако, уже возникновение религий начало создавать напряженности в механизме воспроизводства традиции. Христианская патристика доносит до нас, в числе прочего, полемику вокруг текста из Евангелия от Матфея 8.21: «Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Примечательно, что святой Иоанн Златоуст пытается примирить эту формулу с нормами традиционного общества: «и без него было кому исполнить то дело, и умерший не остался бы без погребения; между тем ученику не должно было удаляться от дела более необходимого. Сказав же: своих мертвецов, показывает, что мертвец не Его. Умерший, по моему мнению, был из неверующих» [10].

Последней мысли Иоанна ничто не подтверждает, и добавим, что слова Иисуса вполне согласуются с тем, что говорит он: «на свадьбе в Кане Галилейской (Ин.2:1–11), когда Он своей матери бросил следующее замечание: *Τί ἐμοὶ καὶ σοί, γύναι;*» (Ин.2:4) – то есть: что общего между тобою и Мною, женщина?» [2].

В обеих этих фразах нет жестокости или пренебрежения к людям. Мы знаем, что к матери своей Иисус всегда относился бережно и с уважением. Но новая культурная традиция не может быть основана без разрыва со старой. В истории Антигоны, рассказанной наиболее драматично Эсхилом, на основании одного из мифов фиванского цикла, сюжет создается конфликтом между попыткой Креонта утвердить некоторый новый порядок (и не важно в данном контексте какой именно) и верностью Антигоны традиции, в которой она воспитана. Брат ее, Полиник, должен быть погребен согласно обычаю, независимо от каких бы то ни было обстоятельств, и ради этого она готова умереть сама. С людьми, руководствующимися такими принципами, можно лишь воспроизводить снова и снова прежний порядок, но не пытаться построить нечто новое.

Вернемся к полемике вокруг евангельских текстов. «В Евангелии от Луки Христос произносит фразу, которая обычно не просто вызывает недоумение, но буквально шокирует: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (глава 14, стих 26)... всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (стих 33)... речь здесь идет о так называемой «системе приоритетов», которая есть у каждого человека» [5], пишет Р. Маханьков. Эта формулировка, согласие с которой высказывает и Протоиерей Владимир Воробьев, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, настоятель храма святителя Николая Чудотворца в Кузнецях, представляется весьма точной.

По мере того, как общество развивается, становится все более сложным; механизмы традиции оказываются недостаточными для полноценной социализации. Но это означает и необходимость дополнения роли семьи как агента

социализации другими институтами, прежде всего институтами общественного воспитания.

Наши кейсы позволяют выделить конфликтные ситуации, анализ которых дает возможность определить формы и смыслы культурных деприваций.

С одной стороны, депривации связаны с ситуациями детей и подростков в трудных жизненных ситуациях. М., девочка, 11 лет, демонстративно (с очевидной ориентацией на потребность быть замеченной) отторгает не только нормативные практики ДОЛ, но и различные варианты культурных программ. Изучение личного дела показывает, что ребенок живет в неблагополучной, неполной семье, мать ее страдает алкогольной зависимостью. Правонарушений не совершала, но напряженность в отношениях со школьными педагогами отмечается, отношение к школьным правилам иронично-негативное. Вполне очевидно, что семья не формирует, в данном случае, адаптивности к социальной среде, результатом чего становится постепенное накопление деприваций. В конечном счете, если не осуществить корректирующих вмешательств, следует ожидать формирования у М. альтернативной системы ценностей, принимаемых по критериям доступности и наличия в них различий с официально принятыми, поскольку последние воспринимаются, как связанные со стигматизацией М.

Глубже процессы депривации заходят у Н. и П., воспитанников детского дома. Ими усвоен набор норм и ценностей полукриминальной среды, сформирована установка на «жизнь по понятиям», агрессивное неприятие всякой иной системы представлений. При этом сформированная ими система представлений не обладает гибкостью, построена на простых бинарных оппозициях, что затрудняет подходы к диалогу.

Примечательна ситуация С., мальчика из благополучной семьи, но в силу житейских обстоятельств интенсивно общавшегося на протяжении полутора лет с детдомовскими сверстниками. По сути, произошло усвоение детдомовской культуры как на уровне речи, поведенческих стандартов, так и ценностей.

С другой стороны, депривации возникают у подростков из более чем благополучных семей, с высокими доходами и жизненными стандартами. Выясняется,

что их родители вообще не ставили задачу потенциальной адаптации своих детей к условиям обычной лагерной жизни. Подростки не просто не обладают навыками самообслуживания, но не видят в этом необходимости; не задумываются не только о возможности соотнесения своих привычек с установленными в лагере правилами, но и о том, зачем нужны самые элементарные правила общежития, начиная с готовности пожелать тем, с кем живешь под одной крышей, доброго утра. В определенных случаях «дикий» индивидуализм выглядит, как граничащий с легкими формами аутизма, и возникает понимание логичности установленных английской элитой, еще к началу XIX века, традиции воспитания своих отпрысков в интернатах.

Культура поколений, рожденных в первые десятилетия нового тысячелетия, отличается от культурного мейнстрима в достаточной мере, чтобы можно было говорить о культурной депривации в отношении ценностей, паттернов, языков культуры старшего поколения. В этой парадигме правомерно ставить задачи дополнения, но не вытеснения или замещения структур и компонентов культурного пространства детей и юношества в ходе социализации.

В обществе, становящемся все более неоднородным, утрачивающем четкость социально-классовой структуры, молодежь изначально получает существенно более широкий, чем несколько десятилетий назад, выбор адаптивных стратегий. Это происходит на фоне снижения роли традиционных агентов социализации, смещения общественных регулятивных механизмов от форм жесткого контроля поведения к мягким воздействиям. В этих условиях в программах работы с молодежью центральное место должны занимать воздействия, направленные на стимулирование освоения ею культурного мейнстрима как совокупности универсальных понятийных систем, паттернов, языков культуры.

Список литературы

1. Гинзбург Л. О старом и новом: статьи и очерки / Л. Гинзбург. – Ленинград: Советский писатель, 1982.
2. Двенадцатилетний Иисус в Храме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/bn/25.htm>

3. Казакова А.Ю. Семиотическая насыщенность пространства: жилищная депривация как фактор утраты объектов культурного наследия / А.Ю. Казакова, В.Б. Королёв // Теории и проблемы политических исследований. Т. 6. – 2017 – №4. – С. 184–196.
4. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон // Psyera.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyera.ru/subkultura-podrostkov-1939.htm>
5. Маханьков Р. Возненавидь отца и мать? / Р. Маханьков // Фома. – 2004. – №5 (22) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foma.ru/voznenavid-otcza-i-mat.html>
6. Подростковые субкультуры: синдром одиночества // 74.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://74.ru/text/education/246389.html>
7. Скок Н.И. Профилактика депривационных процессов у молодых людей с ограниченными возможностями методами социально-культурной реабилитации / Н.И. Скок, И.И. Чайковская // Университетская медицина Урала. Т. 4. – 2018. – №1 (12). – С. 90–92.
8. Степанова И.В. Право на доступ к культурным ценностям: проблемы реализации / И.В. Степанова // Современное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Право-на-доступ-к-культурным-ценностям-проблемы-реализации>
9. Ткаченко Ю.С. О понятии конституционного права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям / Ю.С. Ткаченко // Закон и право – 2011. – №2. – С. 33.
10. Толкования на Мф. 8:21 Свт. Иоанн Златоуст // Толкования священного писания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bible.optina.ru/new:mf:08:21>